

Фрикен Алексей Федорович фон

**Римския катакомбы и
памятники первоначального
христианского искусства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7
ББК 85
А47

А47 **Алексей Федорович фон Ф.**
Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства /
Фрикен Алексей Федорович фон – М.: Книга по Требованию, 2026. – 405 с.

ISBN 978-5-521-28719-2

ISBN 978-5-521-28719-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тому не были приготовлены и не чувствовали влеченія къ передачѣ изобразительно своихъ идей, христіанство не могло вывѣвать художественнаго движенія, и если религіозное искусство появлялось въ подобной средѣ, то оно было принесено извнѣ и часто неодобряемо.

Такъ напримѣръ мѣстами на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря и сѣверной Африки, вообще всюду, гдѣ фигуративное искусство не составляло самобытнаго произведенія страны, а было принесено классической культурой, тамъ христіане скорѣе были расположены удаляться отъ религіозныхъ изображеній, сдѣланныхъ живописью и пластикой, чѣмъ оправдывать ихъ, тѣмъ болѣе, что они не были предписаны новымъ ученіемъ. Законъ Моисея запрещалъ не представленіе живаго существа, а поклоненіе какому-либо изображенію. Моисей напримѣръ получалъ повелѣніе отъ Бога изобразить херувимовъ. Но запрещеніе представлять живое существо съ цѣлью поклоняться ему должно было удалять евреевъ вообще отъ изображеній подобнаго рода. Понятно также, что тѣ изъ нихъ, которые приняли христіанство, осуждали фигуративное искусство и не одобряли религіозныхъ образовъ, такъ какъ эти послѣдніе дѣлались для почитанія ихъ. Но даже и тутъ неизмѣннаго правила постановить нельзя; не всюду евреи были столь строги. Такъ напр. въ еврейскихъ колоніяхъ, разбросанныхъ по берегамъ Средиземнаго моря, заключавшихъ въ себѣ много прозелитовъ и находившихся въ постоянномъ соприкосновеніи съ народами классической культуры—развивавшей въ большей или въ меньшей степени художественные вкусы и дѣятельность въ области искусства даже и среди племенъ, всего менѣе способныхъ къ нимъ—въ этихъ группахъ евреевъ, говорю я, не преобладало столь положительное удаленіе отъ фигуративнаго искусства какъ въ самой Палестинѣ. Это, между прочимъ, доказываютъ намъ фрески, открытыя въ еврейскихъ катакомбахъ въ Римѣ ¹⁾, изображающія разные символическіе сюжеты звѣрей, птицъ и даже фигуру человѣка, какъ въ сосѣднихъ христіанскихъ подземныхъ кладбищахъ. Если постановленія религіи іудеевъ въ этомъ отношеніи дѣлали уступки, то новая вѣра, не запрещавшая положительно религіозныя изображенія, еще менѣе должна была препятствовать

¹⁾ См. часть I, стр. 75 и слѣд.

развитію, въ средѣ своихъ послѣдователей, изобразительнаго искусства.

Разумѣется законъ Моисея: «не дѣлай себѣ кумира», вызванный отвращеніемъ іудеевъ къ египетскому идолопоклонничеству, долженъ былъ получать и среди христіанъ извѣстное значеніе. Новые іудеи выходили изъ языческаго общества, какъ евреи изъ Египта, отвергая подобно послѣднимъ поклоненіе идоламъ. Но эти идеи не всюду преобладали и не всюду имѣли одну и ту же силу. Такъ напр. въ Греціи, въ Италіи, вообще на сѣверныхъ берегахъ Средиземнаго моря, гдѣ самая природа, богатая прекрасными формами и красками, развивала въ человѣкѣ способность къ живописи и пластикѣ, гдѣ жили вѣковыя художественныя традиціи и изобразительное искусство сдѣлалось отраслью умственнаго развитія, тамъ принявшіе христіанство конечно не шли противъ инстинктовъ своей натуры, разрывая окончательно съ прошедшимъ, и не удалялись отъ живописи и пластики, осуждая выраженіе своихъ религіозныхъ идей и заявленія своей вѣры и своихъ надеждъ фигуративно, равно какъ и каждый декоративный мотивъ, взятый изъ прекрасной окружающей ихъ природы, хотя бы они при этомъ и отвергали всякое проявленіе язычества въ ихъ искусствѣ ¹⁾.

Ненадо притомъ упускать изъ вида, что римское искусство, въ ту эпоху, когда христіанскія идеи начали распространяться въ немъ, было проникнуто эллинической культурой и до того художественно настроено, что каждая пустая стѣна внутри дома сколько-нибудь достаточнаго владѣльца казалась чѣмъ-то невыносимымъ и оскорбляла зрѣніе. Римляне не могли сносить никакого предмета самаго обыкновеннаго ежедневнаго употребленія, не имѣвшаго художественной, игривой, подражающей природѣ формы. Даже маленькія, дошедшія до насъ глиняныя лампы, дюжинной, вполне фабричной работы, назначаемыя въ продажу бѣднымъ людямъ, часто украшены съ большимъ вкусомъ; носокъ или ручка ихъ красивы, а на дискѣ изображена какая-либо фигура. Не слѣдуетъ также забывать, что изобразительное искусство было однимъ изъ самыхъ

¹⁾ Не только первые христіане, но и нѣкоторыя раннія христіанскія секты не удалялись отъ живописи и пластики; т. н. намъ извѣстно, что у гностиковъ существовали изображенія Христа, Петра и Павла [См. часть 3, стр. 133].

дѣйствительныхъ способовъ передачи мысли въ классическомъ мірѣ, и этотъ приемъ сообщенія своихъ идей имѣлъ полную силу въ римскомъ обществѣ при появленіи въ немъ христіанства. Замѣчательныя событія или особенныя происшествія оживлялись въ памяти народа посредствомъ живописи или пластики. Подобнымъ способомъ императоры говорили народу и изображенія въ этомъ случаѣ замѣняли манифесты и прокламаціи ¹⁾. Каждый триумфъ въ Римѣ давалъ работу многочисленнымъ живописцамъ; они представляли виды изъ завоеванныхъ странъ, ихъ жителей, битвы и побѣды римлянъ. Подобныя картины несли въ триумфальныхъ шествіяхъ вмѣстѣ съ аллегорическими фигурами рѣкъ, горъ, городовъ, странъ и т. д. Въ Римѣ, въ вѣка имперіи, очень часто изображали живописью, пластикой, мозаикой замѣчательныя происшествія и событія изъ жизни императоровъ, какъ напр. заключеніе ими міра, ихъ триумфы, сраженія, осады, охоты, бои гладіаторовъ, травли звѣрей, жертвоприношенія, при которыхъ они присутствовали, равно какъ и ихъ благодѣянія и великодушныя поступки. На процессахъ у римлянъ появлялись изображенія совершенныхъ преступленій. Этимъ обвинители старались возбудить негодованіе судей и склонить ихъ къ осужденію обвиняемаго. Можно было бы указать и много другихъ примѣровъ очень частаго употребленія у Римлянъ изобразительнаго искусства какъ средства сообщенія мысли, поученія или возбужденія какаго-либо чувства.

¹⁾ Въ исторіи Италіи болѣе поздняго времени мы встрѣчаемъ не одинъ примѣръ выраженія мысли изобразительнымъ искусствомъ; приемъ столь обыкновенный вообще среди народовъ южной Европы, столь согласный съ характеромъ ихъ. Въ средніе вѣка во Флоренціи и въ Римѣ предводители партій не разъ обращались къ народу подобнымъ образомъ, и желая распространить въ немъ извѣстныя идеи, подготовить его къ извѣстнымъ событіямъ, выставляли на площадяхъ аллегорическія или историческія картины. Такъ трибунъ Кола Ріенци поучалъ народъ римскій, довелъ его до сознанія своей силы и поднялъ противъ мелкихъ тирановъ, владѣвшихъ Римомъ и Кампаніей. У древнихъ римлянъ существовалъ способъ прошенія милости при представленіи живописью своего несчастія, чѣмъ и возбуждалось состраданіе проходящихъ. Это до сихъ поръ дѣлается въ Италіи. Въ храмахъ античнаго міра находились изображенія избавленія отъ болѣзни и несчастій, отъ грозящей опасности, приписываемаго защитѣ боговъ; т. п. въ святилищахъ богини Изиды, покровительницы мореплавателей, помѣщались картины спасенія во время бури, кораблекрушенія и т. д. Подобнаго рода изображенія можно видѣть и теперь во многихъ церквахъ Италіи.

Не удивительно потому, что римляне язычники, воспитанники классической цивилизации, принявъ христианство, не отвергли своихъ артистическихъ вкусовъ и перенесли въ новую вѣру сродную имъ склонность къ сообщенію фигуративно своихъ понятій и къ художественной орнаментации. Христиане Рима, расписывая погребальныя комнаты и передавая живописью или пластикой свои любимыя надежды и идеи новаго ученія, всего болѣе породившія ихъ, или украшая гробницы дорогихъ для нихъ умершихъ веселыми, живыми декоративными мотивами, согласно съ ихъ артистическими наклонностями не могли видѣть въ этомъ ничего оскорбляющаго ихъ религіозныя чувства. Усвоеніе фигуративныхъ искусствъ для возвышенія, для прославленія христианства не могло казаться имъ предосудительнымъ. Если и были примѣры, что римляне, принявъ новую религію, смотрѣли съ презрѣніемъ, даже съ ненавистью на все, что прежде они любили, что плѣняло ихъ и, слѣдовательно, на произведенія живописи и пластики, то нельзя утверждать, что въ большинствѣ новообращенныхъ преобладало это аскетическое направленіе, особенно въ странѣ, гдѣ идеи аскетизма были до того времени мало извѣстны.

Насъ потому не должно удивлять, если въ мѣстахъ погребенія первыхъ послѣдователей новой вѣры въ Римѣ, въ Неаполѣ, вообще всюду, гдѣ преобладала классическая культура и гдѣ грунтъ земли позволялъ выкапывать катакомбы, были открыты фрески, иногда очень хорошо исполненныя и стоявшія вѣроятно не мало, или мраморныя гробницы съ барельефами. Христианство, распространяясь преимущественно среди бѣдныхъ и нищихъ людей, проникало иногда и въ высшіе слои общества, въ семейства богатыхъ гражданъ, имѣвшихъ возможность расписывать свои погребальныя комнаты ¹⁾, находившіяся подъ покровительствомъ римскаго закона, охранявшаго безъ различія жилища мертвыхъ, какому бы вѣрованію или сословію они ни принадлежали при жизни ²⁾. Достаточные римляне, принявъ новую вѣру, могли, говорю я, украшать семейныя гробницы въ тѣ періоды спокойствія и терпимости, иногда довольно

¹⁾ Мы въ самомъ дѣлѣ всего чаще встрѣчаемъ фрески и мраморныя саркофаги не въ галереяхъ, гдѣ лежатъ обыкновенно люди бѣдные, а въ катакомбинныхъ комнатахъ, т. е. въ семейныхъ усыпальницахъ.

²⁾ См. часть I, стр. 112—119.

продолжительные, смѣнявшіе гоненія, которыя однако до середины III-го столѣтія, какъ мы уже видѣли, не касались катакомбъ ¹⁾).

Слѣдуетъ однако замѣтить, что первые христіане, не отвергавшіе безусловно искусство, предпочитали живопись пластикѣ. До сихъ поръ, въ самомъ дѣлѣ, открыто очень мало образчиковъ христіанской скульптуры ранняго времени. Статуи, болѣе чѣмъ фрески, могли напомнить вѣрующимъ языческіе идолы ²⁾, и представить Спасителя, хотя бы аллегорически, но такимъ-же точно образомъ, какъ это дѣлали язычники, изображая Юпитера, Аполлона, Бахуса и другихъ боговъ, именно изъ мрамора или бронзы; не могло одобряться большинствомъ христіанъ. Поклоненіе, воздаваемое статуямъ боговъ, было самымъ популярнымъ, самымъ распространеннымъ обрядомъ язычества. Художникъ вѣрующій, высѣкавшій изъ мрамора или лившій изъ бронзы какую-либо фигуру христіанскаго значенія, уподоблялся языческому скульптору, создавшему изображенія ложнаго божества. Притомъ ненадо забывать, что, передъ статуями боговъ или императоровъ, христіанъ, на допросахъ, заставляли курить ениіамъ и совершать возліаніе вина, и послѣ отказа ихъ исполнить это заведеніе благонамѣренности и патріотизма, имѣвшее гораздо болѣе гражданскій чѣмъ религіозный характеръ, слѣдовало обыкновенно роковой приговоръ, какъ это видно изъ письма Плинія къ императору Траяну, изъ многихъ дѣяній мучениковъ и твореній писателей церкви.

Удаленіе вѣрующихъ отъ произведеній пластики, столь часто употребленной для прославленія и возвеличенія языческихъ боговъ, проявляется и у христіанскихъ писателей.

Но и въ этомъ случаѣ были исключенія; въ катакомбахъ, какъ мы увидимъ дальше, нашли нѣсколько статуй, изображающихъ добраго пастыря.

II.

Если мы разберемъ то, что писатели церкви ранняго времени христіанства говорятъ объ искусствѣ, то увидимъ, что ихъ слѣдуетъ

¹⁾ См. часть I, стр. 172 и слѣд.

²⁾ Между христіанами было повѣрье, о которомъ говоритъ Минуцій Феликсъ, что въ статуяхъ языческихъ боговъ жили демоны.

раздѣлить на двѣ группы. Къ первой принадлежать писатели Италіи, запада, вообще тѣхъ странъ, гдѣ была распространена эллиническая культура. Нѣкоторые изъ нихъ благосклонно смотрятъ на живопись и пластику, другіе хотя и не оправдываютъ вполне выраженіе ими религиозныхъ идей, но не осуждаютъ искусство окончательно, не за-прещаютъ положительно, когда оно не употреблено съ языческой цѣлью и не служитъ поощреніемъ роскоши. Писатели церкви, безусловно отвергающіе искусство, составляютъ вторую группу; они принадлежать востоку семитическому, вообще тѣмъ странамъ, гдѣ новой вѣрѣ предшествовали религіи аскетическаго характера, враждебныя фигуративному искусству, гдѣ послѣднее не развилось самостоятельно, гдѣ притомъ классическое образованіе не пустило глубоко корней и жители, по своей грубости, не были способны цѣнить художество и не имѣли къ нему такого влеченія какъ въ Италіи и на востоцѣ эллиническомъ.

Такъ напр. африканецъ Тертуліанъ (160—245), во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, съ большою энергіей осуждаетъ искусство; но извѣстно, что онъ одно время принадлежалъ къ аскетической сектѣ монтанистовъ, послѣдователи которой соверщали плотъ грѣховнымъ началомъ и считали опаснымъ для спасенія души каждое удовольствіе и развлеченіе. Въ идеяхъ Тертуліана преобладали строгій, даже мрачный взглядъ на жизнь и удаленіе отъ всего прекраснаго. Онъ осуждаетъ равнымъ образомъ всякое изображеніе изъ воска, бронзы, мрамора, или исполненное живописью, и советуетъ художникамъ христіанамъ не писать, не высѣкать изъ мрамора, а производить предметы ежедневнаго употребленія. Въ твореніяхъ своихъ Тертуліанъ столько-же смѣлъ, силенъ, сколько суровъ и нетерпимъ. Другіе писатели церкви, противники искусства, не были такъ строги какъ Тертуліанъ и осуждали преимущественно поклоненіе религиознымъ изображеніямъ, принимавшее языческій характеръ; съ этой точки зрѣнія всего чаще нападаютъ они на фигуративное искусство. Противникомъ послѣдняго считаютъ также, но не вполне основательно, Климента Александрійскаго, жившаго во II-мъ столѣтіи, грека по рожденію и философа школы Платона до принятія имъ христіанства. Непреклонный, но просвѣщенный врагъ идолопоклонства, онъ былъ человѣкъ совершенно другаго склада чѣмъ Тертуліанъ и въ своихъ твореніяхъ является талантливымъ знатокомъ греческаго искусства

и литературы. Климентъ умѣлъ цѣнить красоту классическаго художества и допускалъ существованіе его у христіанъ, но предостерегалъ вѣрующихъ отъ чувственнаго направленія искусства, такъ какъ это можетъ затѣмнить пониманіе высшихъ истинъ и христіанскаго идеала. «Мы должны», говоритъ онъ, «подыматься къ духовному, а не оставаться пригвожденными къ землѣ». Художества, по его мнѣнію, достойны похвалы, когда они увеселяютъ жизнь и вносятъ въ неѣ отраду; но неправильное примѣненіе ихъ заслуживаетъ полнаго осужденія, особенно если они ведутъ къ идолопоклонству. Всякое искусство грѣховно по мысли Климента, когда оно ведетъ къ униженію Бога: «мы удивляемся Церерѣ и Прозерпинѣ, мистическому Бахусу и другимъ созданіямъ Праксителя, равно какъ и произведеніямъ Лизиппа и Апеллеса», говоритъ онъ, «но какъ должны мы—повинующіеся закону: не дѣлай себѣ кумира — почитать какъ боговъ эти изображенія». Изъ этого видно, что Климентъ вовсе не изгонялъ искусство изъ среды вѣрующихъ, а только хотѣлъ придать ему христіанскій характеръ. Точно также онъ удалялся отъ аскетизма, превращавшаго всю жизнь въ непрерывное покаяніе и не запрещалъ удовольствій и наслажденій, но разумѣется не противорѣчація правиламъ новаго ученія. Въ городѣ Александріи въ Египтѣ, гдѣ онъ жилъ, преобладала въ его время большая роскошь въ одеждахъ; особенно женщины любили пышные богатые наряды, уборы изъ золота, жемчуга и драгоценныхъ камней. Климентъ не вполне запрещаетъ это христіанкамъ, но требуетъ, чтобы границы приличія и умѣренности не были при этомъ переступаемы. Даже кольца изъ золота и съ драгоценными камнями можно, по его мнѣнію, носить, но не изъ тщеславія, не изъ любви къ роскоши, а въ воспоминаніе даннаго обѣщанія вѣрности или какъ печати. Символы, вырѣзаемые на кольцахъ, должны, говоритъ онъ, имѣть христіанское значеніе и напоминать какую-либо истину новаго ученія или одну изъ его надеждъ. Климентъ, напр., совѣтуетъ вырѣзывать фигуру голубя, рыбы, корабля, лиры, якоря, рыбака и т. д.¹⁾—это одно можетъ служить доказательствомъ, что онъ не былъ противникомъ религіознаго искусства — но христіане не должны, по его мысли, носить кольца съ изображеніемъ языческихъ боговъ, обнаженныхъ фигуръ

¹⁾ См. во 2-й части значеніе этихъ символовъ.

или военныхъ эмблемъ. Символическое направленіе, преобладавшее во время этого писателя въ катакомбномъ искусствѣ, вполне согласовалось съ его идеями, вполне оправдывалось имъ. Приблизительно того-же мнѣнія былъ и мученикъ св. Ириней, епископъ Ліонскій, родившійся въ греческомъ городѣ Смирнѣ въ Малой Азіи, жившій во II-мъ столѣтіи и также человекъ классической культуры.

Осуждали христіанское искусство: Оригенъ (185—253), доктрина котораго приняла, какъ извѣстно, рѣзкое мистическое направленіе; африканецъ Минуцій Феликсъ (III-го столѣтія); африканецъ-же Арнобій (III-го столѣтія); св. Іустинъ (II-го столѣтія), родомъ изъ Палестины; ученикъ его Татіанъ уроженецъ ассирійскій (II столѣтія), въ концѣ жизни гностикъ аскетическаго ученія Маркіана; Теофилъ епископъ Антиохійскій втораго-же столѣтія. Даже и послѣ торжества церкви между писателями и главами ея были противники христіанскаго искусства, такъ напр. епископъ и историкъ Евсевій, родомъ изъ Кесаріи въ Палестинѣ, не одобряетъ Констанцію сестру Константина, просившую у него портретъ Христа. Онъ-же, говоря объ изображеніяхъ Спасителя и апостоловъ Петра и Павла, осуждаетъ это, по его мнѣнію, языческое выраженіе набожныхъ чувствъ. Другой врагъ иконъ, вліяніе котораго было очень сильно въ его время, это св. Елифаній, епископъ Саламинскій на островѣ Кипрѣ, іудей по рожденію, жившій въ IV-мъ столѣтіи. Онъ самъ пишетъ Іоанну Іерусалимскому, что увидя въ одной деревенской церкви, около Іерусалима, завѣсу съ религиознымъ изображеніемъ, разорвалъ ее, возмущенный тѣмъ, что образъ человека находится въ святомъ мѣстѣ, и прибавляя, что завѣса эта будетъ лучше употреблена, если въ нее завернуть для погребенія тѣло бѣднаго христіанина. Этотъ фактъ всего яснѣе доказываетъ намъ, что среди евреевъ, обращенныхъ въ христіанство, сохранилось отвращеніе къ религиознымъ изображеніямъ, запрещеннымъ ихъ закономъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что эти послѣднія были довольно распространены во второй половинѣ IV-го столѣтія, такъ какъ одно изъ нихъ, разодранное Елифаніемъ, находилось въ бѣдной деревенской церкви Палестины.

То же удаленіе отъ иконъ высказываетъ Астерій (IV-го столѣтія), епископъ города Петры въ сѣверной Аравіи, очень уважаемый на всемъ востокѣ и извѣстный своими проповѣдями. Въ одной изъ нихъ онъ говоритъ: не пиши Христа, потому что это будетъ знакомъ его

униженія, но носи слова его въ своемъ сердцѣ. Тотъ-же самый Астерій, однако, одобряетъ живопись, изображающую страданія мученицы Евиміи, и хвалитъ при этомъ набожнаго художника, который съ помощью своего искусства представилъ такъ-же живо подвиги этой христіанки, какъ это дѣлаетъ проповѣдникъ въ своей рѣчи въ день ея поминавленія. Писатель этотъ говоритъ также, что благочестивые и богатые христіане его времени, желавшіе заявить свою набожность, носили одежды съ вышитыми на нихъ сценами изъ евангелія, к. н. чудеса Спасителя: превращеніе воды въ вино, параличный, несущій свой одръ на плечахъ, исцѣленіе слѣпаго и женщины, страдающей кровотеченіемъ, воскресеніе Лаваря и т. д. Изъ чего мы видимъ, что у христіанъ востока въ эти времена было фигуративное искусство; если подобныя сцены вышивались на одеждахъ, то безъ сомнѣнія уже существовали въ мѣстномъ художествѣ, такъ какъ вышиваніе вообще не составляетъ самостоятельной отрасли искусства, а есть подражаніе живописи и является послѣ нее, особенно когда дѣло идетъ объ изображеніи фигуры человѣка.

Большая часть писателей церкви востока, которые осуждали искусство, были также того мнѣнія, что Христосъ, явившись на землю, принялъ некрасивый видъ¹⁾, и это разумѣется должно было, въ нѣкоторой степени, удалять христіанъ отъ изображенія Спасителя. Св. Августинъ является также противникомъ иконъ и въ своихъ сочиненіяхъ не разъ осуждаетъ ихъ. «Ошибаются тѣ, пишутъ онъ, которые ищутъ Христа и апостоловъ не въ святомъ писаніи, а въ живописяхъ стѣнъ». Въ другомъ мѣстѣ однако, говоря о многочисленныхъ христіанскихъ сюжетахъ, какъ напримѣръ о жертвоприношеніи Авраама и т. д., онъ не отвергаетъ искусство, а скорѣе одобряетъ его. Изъ этого видно, что св. Августинъ не допускалъ изображенія Христа и апостоловъ, равно какъ и поклоненія иконамъ, но не осуждалъ представленія христіанскихъ сценъ, особенно же имѣющихъ символическое значеніе. Не вполнѣ оправдывалъ искусство также и ученикъ Іоанна Златоуста св. Нилъ (IV-го столѣтія), жизнь и сочиненія котораго имѣютъ аскетическій характеръ. Онъ однако говоритъ о живописи христіанъ востока, не осуждая ея безусловно. Удаляя изъ церкви сцены охоты, рыбной

¹⁾ См. часть 3-ю, стр. 129—133.

ловли и мотивы орнаментики, взятые изъ природы, какъ на примѣръ растенія, птицъ, звѣрей, какъ сюжеты, не соответствующіе святому назначенію зданія, онъ допускаетъ въ христіанскихъ храмахъ изображеніе сценъ, заимствованныхъ у ветхаго и новаго заветъа, которыя, продолжаетъ онъ, должны быть написаны хорошимъ живописцемъ, дабы люди неграмотные, лишенные возможности читать святое писаніе, могли узнать посредствомъ этой живописи подвиги вѣрныхъ слугъ Бога и подражать имъ. Но при этомъ св. Нилъ осуждаетъ представленіе на стѣнахъ церквей большаго количества священныхъ сюжетовъ, развлекающихъ молящихся.

Удаленіе отъ религіозныхъ изображеній, имѣя впрочемъ нѣсколько другое направленіе, хотя и то-же самое основаніе, проявилось позже, какъ мы это увидимъ ниже, съ новой силой въ Византіи въ эпоху иконоборства.

Мало отцовъ церкви выговорились безусловно въ пользу изобразительнаго искусства. Къ числу ихъ принадлежитъ св. Василій Великій (IV столѣтія); человекъ классическаго образованія, онъ смотрѣлъ на художество какъ на средство достиженія религіозныхъ цѣлей; по его мнѣнію искусства были даны намъ Богомъ для поддержанія нашей слабой натуры. Писатель и живописецъ, говоритъ онъ, первый словами, а второй красками изображаютъ военные подвиги и этимъ одушевляютъ другихъ на битву, потому что, какъ слово дѣйствуетъ на слухъ, такъ нѣмая живопись поражаетъ наше зрѣніе. Въ одномъ изъ своихъ поученій св. Василій побуждаетъ живописцевъ изображать геройскіе подвиги мучениковъ Антиохіи и среди нихъ представить прототипъ всѣхъ мучениковъ—Христа. Этотъ ученый пишетъ императору Юліану, съ которымъ воспитывался и подружился въ Аѳинахъ: «образы апостоловъ и мучениковъ я почитаю и обожаю, ихъ видишь во всѣхъ нашихъ церквахъ». Братъ св. Василія, св. Григорій, епископъ Нисскій, въ одномъ изъ своихъ сочиненій говоритъ, что нѣмая живопись имѣетъ способность повѣствовать, поучать и быть полезной. Такъ на примѣръ въ изображеніи красками страданій и смерти мучениковъ, христіане какъ бы въ книгѣ могутъ читать ихъ подвиги. Онъ же очень подробно описываетъ сцену жертвоприношенія Исаака Авраамомъ, исполненную живописью. Точно такое же описаніе этого сюжета дѣлаютъ св. Ефремъ (IV-го стол.) и св. Кириллъ Александрійскій (V-го стол.). Еще